

Практика использования специальных знаний в целях противодействия распространению экстремистских материалов

 О.Ю. Антонов

ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», Москва 125080, Россия

Аннотация. В статье представлены основные направления по противодействию распространению экстремистских материалов в России и их результаты, отраженные в Федеральном списке экстремистских материалов Минюста России, статистических данных Главного информационно-аналитического центра МВД России о количестве зарегистрированных преступлений и лиц, привлеченных к уголовной ответственности, а также Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости и деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей.

Цель исследования – разработка рекомендаций по оптимизации судебной следственной деятельности с использованием специальных знаний для противодействия распространению экстремистских материалов. Задачи исследования: анализ недостатков в работе следственных органов на этапе предварительного расследования, изучение актуальной судебной практики административного производства и формулировка предложений по оптимальному использованию специальных знаний при выявлении признаков ненависти и вражды в распространяемой продукции. В ходе проведенного исследования выявлены проблемы следственной практики, связанные с определением предмета судебной экспертизы различных категорий объектов с точки зрения их материальных носителей. Отмечены отдельные случаи необоснованного расширения предмета экспертного исследования экстремистских материалов. Рассмотрен как отрицательный, так и положительный опыт судебной практики по размещенным в открытом доступе административным делам о признании материалов экстремистскими, а также о привлечении к административной ответственности лиц за возбуждение ненависти либо вражды либо за размещение в сети Интернет материалов, включенных в федеральный список экстремистских материалов. Предложены рекомендации по использованию специальных знаний в исследовании распространяемых экстремистских материалов.

Ключевые слова: экстремистские материалы, специальные знания, лингвистическая экспертиза, психолого-лингвистическая экспертиза, следственная практика, судебная практика, преступление, административное правонарушение

Для цитирования: Антонов О.Ю. Практика использования специальных знаний в целях противодействия распространению экстремистских материалов // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 3. С. 51–61. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-3-51-61>

The Practice of Using Specialized Knowledge to Counteract Dissemination of Extremist Materials

 Oleg Yu. Antonov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow 125080, Russia

Abstract. The paper describes the directions of counteracting extremist materials dissemination in Russia and their results as seen in the Federal List of Extremist Materials of the Ministry of Justice of the Russian Federation, statistics of the State Information and Analytical Agency of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the number of registered crimes and persons brought to criminal responsibility as well as the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on the state of criminal record and activities of the federal courts of general jurisdiction and justices of the peace.

The study aims to develop recommendations to optimize the judicial and investigative use of specialized

knowledge to counteract the dissemination of extremist materials. The research tasks are: examining the shortcomings of preliminary investigation, analyzing the current judicial practice of administrative proceedings, and formulating proposals for the best use of specialized knowledge to identify the signs of hatred and enmity in the disseminated products. The study reveals the problems of the investigative practice related to the definition of the forensic examination subject for various categories of objects in terms of their material carriers. The author also notes cases of unjustified expansion of the subject of expert examination of extremist materials. Furthermore, the article identifies the shortcomings and positive experience in judicial practice on publicly available administrative cases on recognition materials as extremist and prosecution persons for inciting hatred or hostility or for posting on the Internet materials included in the Federal List of Extremist Materials. Finally, forensic recommendations on using specialized knowledge in the analysis of disseminated extremist materials are offered.

Keywords: *extremist materials, specialized knowledge, linguistic expertise, psychological and linguistic expertise, investigative practice, court practice, crime, administrative offence*

For citation: Antonov O.Yu. The Practice of Using Specialized Knowledge to Counteract Dissemination of Extremist Materials. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 3. P. 51–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-3-51-61>

Введение

Борьба с экстремизмом является одной из приоритетных задач любого суверенного государства. Поскольку экстремизм приобрел глобальный организованный характер, в противодействии ему значительно возрастает роль взаимодействия законодательных, правоохранительных и судебных органов различных стран [1]. Ранее нами указывалось, что в России деятельность государственных органов по борьбе с распространением экстремистских материалов, в том числе размещенных в сети Интернет, осуществляется в основном на двух уровнях. На первом – информационные материалы по административному иску прокурора признаются судом экстремистскими, размещаются в Федеральном списке экстремистских материалов¹ (далее – Федеральный список), после чего владелец сайта в сети Интернет и (или) провайдер хостинга должны принять меры по удалению запрещенной информации и (или) ограничению доступа к сайту, содержащему запрещенную информацию. На втором уровне проводится выявление, пресечение и расследование конкретных фактов распространения экстремистских материалов в отношении лиц, как правило, не являющихся членами экстремистских организаций [2, с. 198–199]. Фактически такое противодействие распространению экстремистских материалов напоминает схватку с гидрой,

поскольку после удаления материала с одного ресурса он появляется на другом, в том числе и под другим названием или с немного другим содержанием, а факт привлечения к уголовной ответственности распространителя экстремистских материалов не всегда приводит к пресечению преступной деятельности конкретного лица. Привлечение к административной ответственности физических и юридических лиц по ст. 20.29 КоАП РФ за распространение материалов, включенных в Федеральный список, также не влияет на уровень противодействия экстремизму.

В качестве подтверждения тезиса о видоизменении распространяемых экстремистских материалов можно привести решение Абаканского городского суда Республики Хакасия, который установил, что Ч. нашел в сети Интернет видеофайл «Посадская – скинхеды», который идентичен по содержанию видеофайлу «Прогулки возле Гуковской общаги – 2», признанному решением Кировского районного суда экстремистским, и разместил его в сети Интернет на своей личной странице сайта социальной сети «ВКонтакте»². Такой пример специального рецидива по данному виду преступлений не единичен. 30 марта 2015 г. Абаканским городским судом по ч. 1 ст. 282 УК РФ был осужден и приговорен к 200 часам обязательных работ Ю., который в период с 27 февраля 2015 г. по 14 февраля

¹ Экстремистские материалы / Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/>

² Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия от 27 января 2014 г. по делу № 1-1086/2013. <https://sudact.ru/regular/doc/m9k2GSpYV9QK/>

2016 г. разместил на своей странице в социальной сети 15 материалов, признанных экстремистскими³. Увеличение количества подобных случаев обусловлено тем, что, как считают П.Н. Казберов и Б.Г. Бовин, «категория осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности является чрезвычайно сложным контингентом для каких-либо коррекционных воздействий со стороны психологов и воспитателей исправительных учреждений, из-за психологической сопротивляемости, связанной с религиозным воспитанием и концепцией религиозного экстремизма, усвоенной в процессе террористической деятельности» [3].

Можно предположить, что на первом уровне укрытию от учета преступлений фактически способствовали действия как судей, признающих материалы экстремистскими, так и прокуроров, участвующих в судебных процессах, поскольку по фактам изготовления и распространения материалов первые, как правило, не выносили частных определений, а вторые – не выносили постановлений о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Это подтверждается сравнением числа материалов из Федерального списка (5123)¹ о судебных решениях начиная с 2004 г. (из которых только 15 было принято до 01 января 2007 г.) с данными уголовно-правовой статистики за последние 13 лет⁴. Так, в период с января 2007 г. по декабрь

2019 г. зарегистрировано 6 066 преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ.

Возможно, именно описанная ситуация повлияла на изменение уголовной политики по противодействию распространению экстремистских материалов и декриминализации ранее существующей нормы уголовного закона (ст. 282 УК РФ) с сохранением уголовной ответственности за распространение экстремистских материалов только в случае административной преюдиции⁵ при введении административной ответственности за данные деяния по ст. 20.3.1 КоАП РФ⁶.

Статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России⁷ и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – ВС РФ)⁸ демонстрируют (табл.) тенденцию соответствия за 2020 г. числа правонарушителей, привлекаемых к административной ответственности по ст. 20.3.1 КоАП РФ, количеству лиц, ранее привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ в старой редакции.

До введения данной нормы уголовное преследование по делам об экстремистских преступлениях, совершенных с использованием компьютерных сетей, вызывало определенные трудности у практических работников правоохранительных органов [4,

⁵ Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁶ Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 521-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

⁷ Статистический отчет МВД России «Единый отчет о преступности» № 1-ЕГС за 2017–2020 гг.

⁸ О состоянии судимости и о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» за 2017–2020 гг. / Официальный сайт Судебного департамента при ВС РФ. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

³ Обвинительное заключение по уголовному делу № 800023-2016 следственного отдела по г. Абакан следственного управления Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) по Республике Хакасия / По материалам Московской академии СК России.

⁴ Статистический отчет МВД России «Единый отчет о преступности» № 1-ЕГС за 2007–2019 гг.

Таблица. Сравнительная характеристика лиц, привлеченных к ответственности за распространение экстремистских материалов

Table. Comparative characteristics of persons prosecuted for the dissemination of extremist materials

Период	Выявлено лиц, совершивших преступления по ст. 282 УК РФ	Осуждено лиц по ч. 1 ст. 282 УК РФ	Привлечено лиц к административной ответственности	
			По ст. 20.3.1 2 КоАП РФ	По ст. 20.29 КоАП РФ
2017	779	562	–	1846
2018	678	505	–	1964
2019	40	23	383	1591
2020	34	7	757	1826

с. 4]. Так, по упомянутому уголовному делу № 800023-2016 в отношении Ю. срок предварительного следствия составил 11 месяцев 26 суток, при этом оно трижды возвращалось прокурором для производства дополнительного следствия. Затрудняла расследование и необходимость использования специальных знаний в целях выявления признаков возбуждения вражды и ненависти в распространяемых материалах.

В настоящее время данная проблема частично перешла в административное производство. Представляется, что целесообразно ее решать с помощью назначения и производства судебных экспертиз, но в более сжатые, по сравнению с предварительным следствием, сроки. В связи с этим практика использования специальных знаний в целях выявления признаков экстремизма в распространяемых материалах получает новый виток развития.

Цель, задачи и материалы исследования

Целью настоящей работы являлась разработка рекомендаций по оптимизации судебно-следственной деятельности с использованием специальных знаний в целях противодействия распространению экстремистских материалов. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: провести анализ имеющихся ранее недостатков в работе следственных органов в рамках предварительного расследования, изучить актуальную судебную практику административного производства и сформулировать предложения по наиболее оптимальному использованию специальных знаний для выявления признаков ненависти и вражды в распространяемой продукции.

В качестве материалов исследования выступали обвинительные заключения и материалы уголовных дел, оконченных следователями СК России в 2014–2017 гг., а также решения судов по административным делам, принятые в 2018–2020 гг. и размещенные в открытом доступе.

Изучение следственной практики

Как показал анализ, следователи сталкиваются с двумя основными трудностями, касающимися определения предмета экспертного исследования в случае направления на экспертизу различных категорий объектов относительно материальных носителей, основными из которых выступают печатные материалы, видеоролики и фотографии.

В первую очередь исследуется содержание следующих объектов: речевые следы – на наличие признаков возбуждения вражды, ненависти. Хотя с точки зрения судебного речеведения в словесном (вербальном) экстремизме в учебной литературе выделяют большее число экстремистских речевых действий [5, с. 99–123]. Вопрос заключается в том, с помощью каких областей научного знания можно выявить данные признаки: совместно лингвистики и психологии или можно применить только одну из указанных областей?

При исследовании продуктов только речевой деятельности для установления фактических данных (лингвистических фактов), имеющих значение для дела, достаточно провести лингвистический анализ объектов. То есть судебная лингвистическая экспертиза полностью охватывает данный предмет экспертизы. Ранее нами указывалось, что при исследовании объектов, содержащих только письменную речь, в частности электронной переписки на сексуальную тему, задача установления этого содержания, а также его коммуникативной направленности (побуждений) может быть решена именно в рамках судебной лингвистической экспертизы и не требует комплексирования этих знаний с областью психологии [6, с. 45–47]. Аналогичной точки зрения придерживается Е.И. Галяшина [7, с. 296–330].

Однако позиция руководства и экспертов Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации несколько отличается: «если же в материале преобладает невербальная (несловесная или изобразительная) составляющая либо без нее смысл многозначен, для решения поставленной задачи одних лингвистических методов недостаточно... Помимо объектов, возможности лингвистического исследования ограничены не только самими объектами, но и задачами исследования... Только с участием психолога можно установить социально-психологическую направленность информационного материала» [8, с. 8].

Практика идет по второму пути: по изученным уголовным делам следователи назначали комплексную психолого-лингвистическую экспертизу даже при исследовании материалов, содержащих только речевые действия. Можно выделить две причины складывающейся ситуации. Первая – это незнание вышеуказанных возможностей су-

дебной лингвистической экспертизы. Вторая – отсутствие в отдельных регионах сведущих лиц в области судебной лингвистики и «присваивание» такой компетенции лицами, обладающими специальными знаниями в области психологии, навязывающими следователям соответствующее название назначаемой им судебной экспертизы. Например, в одном из заключений по результатам комплексной психолого-лингвистической экспертизы⁹ в качестве сведений об эксперте указано, что исследование произведено экспертом в области психологии и лингвистики: «психолог-лингвист, кандидат психологических наук, доцент ВАК, директор центра психологического сопровождения, эксперт в области практической психологии более ... лет. Автор ... монографий, ... учебных и учебно-методических пособий и более ... научных публикаций, ... научно-практических программ-грантов в области реабилитологии и коррекции. Имеет опыт работы с участниками войны в Афганистане и Чечне, с лицами с ограниченными возможностями здоровья. Опыт работы в экспертных комиссиях, представительство в судах в качестве психолога – эксперта по уголовным и гражданским делам». Далее указаны основные научные работы по профилю «Психология», а также по профилям «Филология», «Психолингвистика». К числу последних отнесены: основы эффективной коммуникации, дополнительные способы передачи информации, психология массовой коммуникации¹⁰. Данный пример наглядно подтверждает правильность позиции Е.Р. Россинской и Е.И. Галяшиной в том, что «назначение и производство комплексной психолого-лингвистической экспертизы одному лишь эксперту, именующему себя психолингвистом, но не имеющему соответствующих экспертных специальностей в области судебной лингвистической и судебной психологической экспертизы, по нашему мнению, недопустимо» [9, с. 374]. Необходимо иметь в виду, что согласно ст. 201 УПК РФ судебная экспертиза является комплексной, если в ее производстве участвуют эксперты разных специальностей, однако в п. 12 Постановления Пле-

нума ВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» допускается дача экспертом, обладающим достаточными знаниями, необходимыми для комплексного исследования, единого заключения по исследуемым им вопросам. Представляется, что вопросы комплексирования специальных знаний являются предметом научных исследований в области судебной экспертологии и не должны разрешаться законодательно.

Дополнительно необходимо отметить появление в последнее время новых объектов для экспертных исследований. Так, если в первых ста материалах, размещенных в Федеральном списке, присутствовал лишь один кинофильм, DVD-диск и музыкальный альбом, а все остальные представляли собой печатные издания (книги, брошюры, газеты, журналы, статьи, листовки), то среди последних ста: 15 – это видеоматериалы (видеозаписи, видеозвукозаписи, аудиовизуальные файлы), 21 – аудиозаписи и новые объекты – коллаж из нескольких изображений (№ 5107 списка) и креолизованный текст (№ 5084), имеющий вербальный компонент и визуальный – графическое изображение¹¹. Как полагают В.Д. Никишин и Е.И. Галяшина: «цифровая среда (прежде всего интернет-коммуникация) – благоприятная среда для реализации криминальной речевой агрессии и массированного, вирусоподобного распространения деструктивной информации, включающей в себя не только собственно вербальный (словесный) компонент, но и невербальные (несегментные) компоненты: иконический (изобразительный) компонент в статике (мемы, демотиваторы, фотографии, схемы, графики и т. п.) и динамике (анимации, видео и т. п.), акустический невербальный компонент (мелодии, звуки природы и пр.) и др.» [10, с. 181]. Такие поликодовые тексты исследуют в рамках новых научных направлений, требующих самостоятельного методического обеспечения (см., напр.: [11]), в том числе и с помощью комплексирования различных областей научного знания.

Таким образом, каждый из описанных объектов может быть исследован именно в рамках соответствующего рода судебной экспертизы. Представляется, что при исследовании видеороликов, содержащих не только устную речь, но и определенный

⁹ Наименование документа представлено в авторской редакции и не соответствует требованиям ч. 1 ст. 80 УПК РФ (здесь и далее курсив автора).

¹⁰ Материалы уголовного дела № 800097-2017 года следственного отдела по г. Абакан следственного управления СК России по Республике Хакасия / По материалам Московской академии СК России.

¹¹ Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации / <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/>

видеоряд, имеющий свою смысловую нагрузку, предметом экспертного исследования выступают и лингвистические, и психологические признаки возбуждения вражды, ненависти. Именно в этом случае, на наш взгляд, необходимо назначать комплексную психолого-лингвистическую судебную экспертизу. В то же время на практике решение данной задачи иногда поручалось только эксперту-лингвисту, который, с одной стороны, говорил, что не может выйти за пределы своих специальных знаний, а с другой – фактически исследовал не только речевые признаки, но и сопутствующий ему видеоряд.

Например, на разрешении судебной лингвистической экспертизы стоял вопрос: «С использованием каких не только лингвистических, но и психологических приемов и средств выражены высказывания, направленные на возбуждение ненависти или вражды и др.?» В заключении эксперта был дан правильный ответ о том, что психологические приемы и средства формирования вражды и ненависти эксперт-лингвист определить не компетентен. Одновременно этот же эксперт сформулировал вывод, что не только вербальное, но и визуальное содержание представленных для экспертизы материалов приводят к выводу, что формирование у массовой аудитории негативно-враждебного отношения к социальным группам лиц возникает через демонстрацию в кадре агрессии (визуальные средства) и прямые и косвенные императивы (вербальные средства)¹².

Возвращаясь к причинам назначения именно комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы, следует отметить необоснованное расширение предмета исследования, что, на наш взгляд, выходит за рамки предмета доказывания. Например, в одном заключении эксперта был сделан вывод: «Исследуемые материалы могут оказывать на адресата психологическое действие на уровне привлечения внимания и интереса, а также на когнитивном, эмоциональном, поведенческом уровнях в том случае, если они затрагивают личностные диспозиции воспринимающего (систему взглядов, убеждений, мировоззрения, установок, системы ценностей и

отношений, самосознания, потребностей, особенностей эмоциональной сферы)»¹³. В то же время задача следователя заключается лишь в установлении факта распространения экстремистского материала, а не результатов его возможного воздействия на различных лиц, ознакомившихся с ним и имеющих свои психологические особенности.

В другом заключении эксперт сделал вывод, что перечисленные способы фотоизображений и комментариев, представленные на страницах пользователя, позволяют проследить схему возбуждения ненависти и вражды³. То есть в ходе производства судебной экспертизы, по сути, проводится научное исследование по выявлению «схем возбуждения ненависти и вражды», а не просто устанавливается наличие их речевых и иных признаков в исследуемом материале.

Еще одной проблемой можно назвать несвоевременное определение дополнительного предмета судебной экспертизы – содержания и направленности комментариев пользователя страницы к этим материалам. В этих случаях в ходе расследования приходилось назначать дополнительную судебную лингвистическую экспертизу. При этом у следователей возникали трудности при формулировании вопросов эксперту, что приводило не только к их фактическому разграничению в ходе экспертного исследования, но и к расширению в целях решения основной задачи расследования, требующей использования специальных знаний, – установление речевых признаков экстремизма.

Например, ответ на вопрос «Имеется ли в представленных материалах наличие и содержание комментариев пользователя А. Ю. к репостам материалов в социальной сети “ВКонтакте” или иного выражения отношения к ней? Если да, то в чем она выражена?» в заключении эксперта был отражен в начале и в конце исследовательской части и выводов. В начале эксперт сформулировал вывод об общем содержании таких комментариев, а в конце – провел их подробный анализ, формулируя вывод, что исследуемые объекты являются речевыми действиями, мотивом выступает чувство

¹² Обвинительное заключение по уголовному делу № 800097-2017 следственного отдела по г. Абакан следственного управления СК России по Республике Хакасия / По материалам Московской академии СК России.

¹³ Обвинительное заключение по уголовному делу № 985336-2014 Большереченского межрайонного следственного отдела Следственного управления СК России по Омской области / По материалам Московской академии СК России.

несправедливости, вызывающее ненависть и вражду¹⁴.

Изучение судебной практики по административным делам

Как показал анализ решений судов по размещенным в открытом доступе административным делам, проблемы, присущие следственной практике, в административном производстве в настоящее время практически отсутствуют как в случаях принятия решения о признании материала экстремистским, так и при привлечении к административной ответственности лиц, размещающих в сети Интернет материалы, включенные в Федеральный список.

В первом случае это, возможно, обусловлено тем, что такие судебные решения основываются на выводах судебных экспертов, проведенных в ходе предварительного расследования преступлений, совершенных еще до вышеуказанных изменений уголовного закона. Так, в решении суда от 25 сентября 2020 г. о признании экстремистскими материалов, в последующем включенных в Федеральный список под №№ 5127–5130, отражено, что согласно заключению психолого-лингвистической судебной экспертизы от ** ** **, проведенной экспертом ** ** **, «в вышеуказанных материалах содержатся высказывания, направленные на возбуждение ненависти, вражды, на унижение достоинства лиц еврейской национальности»¹⁵. Установлено, что Б., на персональной странице которого в социальной сети «...» были размещены указанные материалы экстремистского характера, приговором Эжвинского районного суда г. Сыктывкара от ** ** ** осужден по ч. 2 ст. 280 УК РФ, при этом постановлением суда от ** ** ** уголовное преследование по ч. 1 ст. 282 УК РФ в отношении Б. прекращено в связи с декриминализацией деяния¹⁶.

Данный пример иллюстрирует длительность срока попадания экстремистского материала в Федеральный список, поскольку приговор в отношении указанного лица по уголовному делу, поступившему в суд 04 октября 2018 г., после его обжалования вступил в силу 31 января 2020 г., а заявление заместителя прокурора Республики

Коми поступило в суд через пять месяцев (08 июля 2020 г.) и рассматривалось судом 2,5 месяца, а сами материалы появились в Федеральном списке 23 ноября 2020 г., то есть спустя два месяца после вынесения решения суда, обращенного к немедленному исполнению. При этом необходимо иметь в виду, что в изученных нами обвинительных заключениях с момента выявления сотрудниками, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, факта распространения в информационно-телекоммуникационных сетях материала с признаками экстремизма до возбуждения уголовного дела иногда проходило три-четыре месяца. Таким образом, деятельность государственных органов, в результате которой выявленный в сети Интернет экстремистский материал попадал в Федеральный список, осуществлялась годами, что свидетельствовало о ее неэффективности и подтверждает правильность вышеуказанного изменения уголовной политики.

Проблема определения дополнительного предмета экспертного исследования – комментариев, размещенных лицами на своих страницах в социальных сетях, применительно к административному производству образует самостоятельный состав административного правонарушения – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, предусмотренного статьей 20.3.1 КоАП РФ. Следует отметить, что судебная практика идет по пути использования в качестве доказательств не заключения эксперта, а непроцессуальной формы использования специальных знаний – предварительного исследования (оформленного в виде справки специалиста или эксперта либо акта экспертного исследования), проведенного не в рамках прокурорской проверки, а по инициативе сотрудников полиции или ФСБ России, выявивших факт распространения экстремистских материалов. Это позволяет принимать судебные решения в течение месяца с момента его выявления¹⁷. Однако, по нашему мнению, с учетом рассмотренных выше особенностей предмета экспертного исследования экстремистских материалов представляется необходимым принимать такие судебные решения только на основании заключения судебной экспертизы. Естественно, что в этом случае

¹⁴ Там же.

¹⁵ Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 25 сентября 2020 г. по делу № 2а-5260/2020. https://syktsud--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=73473033&delo_id=1540005&new=0&text_number=1

¹⁶ Там же.

¹⁷ См., напр.: решение Волжского районного суда г. Саратова от 29 мая 2020 г. по делу № 5-648/2020. <https://sudact.ru/regular/doc/4mhdNR6YfJJ/>

вышеописанные проблемы следственной практики перетекают в административное судопроизводство, что влечет за собой увеличение срока рассмотрения судом материалов об указанном административном правонарушении¹⁸.

Практика показывает, что судебные решения о признании экстремистскими размещенных в сети Интернет материалов с информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено, принимаются без использования каких-либо специальных знаний. На наш взгляд, данную практику можно признать обоснованной, когда, например, экстремистским признается изображение женщины с оружием в руках на фоне ядерного взрыва с текстом: «Этих *** нужно расстреливать из атомного оружия, р.с. в том, что я так жестока виноваты компьютерные игры»¹⁹, поскольку призыв носит открытый характер. Однако закономерен вопрос, на каком основании аналогичное решение принимается в отношении страницы в социальной сети с обсуждением на тему ненависти к украинцам²⁰. Более сложная ситуация возникает при выявлении в распространяемых материалах скрытого призыва, который, по мнению П.А. Катыева и М.А. Осадчего, является «той проблемной зоной, в которой обостряется методологический конфликт между правоприменителем и экспертом-лингвистом» [12, с. 30]. В связи с этим можно присоединиться к позиции В.К. Михайлова, предлагающего усовершенствовать процедуру признания материалов экстремистскими в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации, дополнив ее соответствующими положениями о формах использования в этих целях специальных знаний [13].

Анализируя административную практику по рассмотрению судами фактов распространения экстремистских материалов, можно отметить отсутствие проблемы идентификации конкретного материала с уже включенным в Федеральный список. Так, по административному исковому заявлению прокурора суды принимают такие

решения на основе информации административного истца со ссылкой на конкретный номер материала в Федеральном списке, поскольку административный ответчик по делу, как правило, не установлен²¹. В ходе привлечения к административной ответственности по ст. 20.29 КоАП РФ судам достаточно аналогичной информации, отраженной в протоколе об административном правонарушении, так как правонарушители в судебном заседании признают свою вину и указывают, что в момент публикации знали, что данный материал запрещен к распространению²². Для решения вопроса об идентификации экстремистских материалов судам достаточно сравнить заголовок, слова из начала и окончания материалов, а также их общие признаки – содержание и объем или продолжительность (например, в минутах и секундах).

Приведем следующий пример из следственной практики сравнительного исследования материала, факт распространения которого изучался в ходе предварительного расследования, с содержанием материала, ранее признанного судом экстремистским. 19 апреля 2016 г. в результате проведенных оперативно-разыскных мероприятий на странице в социальной сети, принадлежащей Т., было обнаружено 3 видеоматериала, сходных с материалами, признанными по решениям судов экстремистскими и занесенными в Федеральный список под номерами 1431, 3012 и 3045. По указанным видеороликам была проведена судебная психолого-лингвистическая экспертиза, по факту проведения которой эксперты пришли к выводу, что в двух из них выявлены сюжетно-тематические, целевые, оценочные и временные признаки сходства с содержанием видеороликов, признанных экстремистскими, а один не отражает призывной характер материала, что не позволяет говорить о его полной тождественности с музыкальной композицией, признанной решением суда экстремистским, но лишь о совпадении базовой части композиций²³.

Ранее нами предлагалось ввести экспертно-криминалистический учет экстремистских материалов [2, с. 200]. При этом,

¹⁸ См., напр.: постановление Ленинского районного суда г. Оренбурга № 5-368/2020 от 29 мая 2020 г. <https://sudact.ru/regular/doc/D0zkyaqv1EY3/>

¹⁹ Решение Чемальского районного суда Республики Алтай от 28 мая 2020 г. по делу № 2А-207/2020. <https://sudact.ru/regular/doc/mIY1KADARP14/>

²⁰ Решение Ермаковского районного суда Красноярского края от 28 мая 2020 г. по делу № 2А-434/2020. <https://sudact.ru/regular/doc/7KRUJ6zEdN1O/>

²¹ См., напр.: Решение Брюховецкого районного суда Краснодарского края от 29 мая 2020 г. по делу № 2А-431/2020. <https://sudact.ru/regular/doc/xYzqh2vOBtr5/>

²² См., напр.: Постановление Беляевского районного суда Оренбургской области от 28 мая 2020 г. по делу № 5-61/2020. <https://sudact.ru/regular/doc/K9arkd7jL8v/>

²³ Материалы уголовного дела № 800097-2017.

осознавая безусловную организационную сложность его создания, в целях идентификации распространяемого конкретным лицом цифрового материала с включенным в Федеральный список мы считаем целесообразным использование предложенного в судебной экспертизе метода сравнения контрольных сумм файла (хеш-функции²⁴). Как полагают Е.Р. Россинская и Т.А. Сааков, идентичность содержащейся информации можно подтвердить при помощи расчета хеш-суммы файла, содержащегося на новом электронном носителе информации, посредством соотношения контрольных сумм файлов [14, с. 120–121]. Для реализации предложенного нами способа идентификации необходимо лишь отражать в судебных решениях о признании цифровых материалов экстремистскими их хеш-суммы.

Заключение

В результате проведенного исследования сформулированы следующие выводы.

1. Практика расследования преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, в период 2014–2017 гг. шла по пути необоснованного назначения при исследовании продуктов речевой деятельности (находящихся в компетенции экспертов-лингвистов) комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз. Часто заключения по данным экспертизам не отвечали предъявляемым требованиям в связи с низкой компетентностью негосударственных судебных экспертов. При этом имело место назначение лингвистических судебных экспертиз аудио- и видеороликов, хотя данные объекты должны были исследоваться в рамках комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз.

2. Судебные решения по административным делам о признании материала эк-

стремистским и о привлечении к ответственности по ст. 20.3.1 КоАП РФ, принятые в 2018–2020 гг., большей частью основаны на непроцессуальных формах использования специальных знаний либо без использования таковых, несмотря на необходимость назначения лингвистической (или психолого-лингвистической) судебной экспертизы.

3. Как следственная, так и судебная практика свидетельствуют о необходимости производства указанных видов судебных экспертиз в целях идентификации распространенных виновным материалов с отраженными в Федеральном списке экстремистских материалов, что увеличивает сроки принятия процессуальных решений. В целях повышения экономичности судопроизводства необходимо отражать в судебных решениях о признании цифровых материалов экстремистскими их хеш-суммы. Для этого требуется подготовка соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и расширение объема информации, отражаемой Минюстом России в указанном списке.

Представляется, что в судебной и следственной практике при решении вопроса о признании распространяемых материалов экстремистскими могут быть использованы авторские взгляды на необходимость использования специальных знаний в форме судебной экспертизы, на определение предмета экспертного исследования и, соответственно, вида судебной экспертизы различных категорий объектов с точки зрения их материальных носителей.

Реализация выводов настоящей работы будет способствовать решению одной из сформулированных Д.С. Миц и Е.Г. Андриянченко задач в сфере информационного противодействия терроризму и экстремизму [15, с. 104] – совершенствованию правовой базы по координации деятельности органов исполнительной власти и институтов гражданского общества, а также ее организационно-методического сопровождения.

²⁴ ГОСТ Р 34.11-2012 Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хэширования / Кодекс. <http://docs.cntd.ru/document/1200095035>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dadaev Kh.M., Saidov Z.A., Bidova B.B. Issues of Extremism in Modern Society and Legal Science Development in Russia / Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 2019. Vol. 58 P. 307–319 . <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.36>

REFERENCES

1. Dadaev Kh.M., Saidov Z.A., Bidova B.B. Issues of Extremism in Modern Society and Legal Science Development in Russia. *Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*. 2019. Vol. 58 P. 307–319 . <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.36>

2. Антонов О.Ю. Криминалистическая модель экстремистской преступной деятельности в сети Интернет и ее использование в борьбе с экстремизмом // Библиотека криминалиста. 2016. № 6 (29). С. 195–202.
3. Казберов П.Н., Бовин Б.Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности // Психология и право. 2019. Т. 9. № 1. С. 36–53. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090103>
4. Давыдов В.О. Методика расследования экстремистских преступлений, совершенных в компьютерных сетях. Монография / Под ред. А.Ю. Головина. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.
5. Галяшина Е.И. Судебное речеведение. Учебник. М.: Норма, 2020. 320 с.
6. Антонов О.Ю. Особенности использования специальных знаний в области лингвистики при изучении электронной переписки в ходе расследования половых преступлений в отношении несовершеннолетних // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7. С. 43–52. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.47.7.042-052>
7. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза. Учебник. М.: Проспект, 2021. 424 с.
8. Смирнова С.А., Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Междисциплинарные исследования в судебно-экспертных учреждениях Минюста России: актуальные направления лингвистической и психологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 4. С. 6–11. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-106-109>
9. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М.: Проспект, 2017. 464 с.
10. Никишин В.Д., Галяшина Е.И. Юрико-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 179–193. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.179-193>
11. Горбачева А.В., Нестерова Т.В., Осадчий М.А. Об экспертной и неэкспертной интерпретации поликодовых текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 102–114. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.9>
12. Катышев П.А., Осадчий М.А. Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 24–34. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.3>
13. Россинская Е.Р., Сааков Т.А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров
2. Antonov O.Yu. Forensic Model of Extremist Criminal Activities in the Internet and Its Use in Struggle with Extremism. *Forensic Scientist's Library*. 2016. No. 6 (29). P. 195–202. (In Russ.).
3. Kazberov P.N., Bovin B.G. General Characteristics of Persons Convicted of Extremist and Terrorist Crimes. *Psychology and Law*. 2019. Vol. 9. No. 1. P. 36–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090103>
4. Davydov V.O. *Investigation Technique of the Extremist Crimes Committed with the Use of Computer Networks* / Yu.G. Golovin (ed.). Moscow: YurLitinform, 2014. 184 p. (In Russ.).
5. Galyashina E.I. *Forensic Speech Studies. Textbook*. Moscow: Norma, 2020. 320 p. (In Russ.).
6. Antonov O.Yu. Peculiarities of the Use of Specialized Knowledge of Linguistics in the Study of Electronic Correspondence During the Investigation of Sexual Crimes. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018. No. 7. P. 43–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.47.7.042-052>
7. Galyashina E.I. *Forensic Linguistic Expertise. Textbook*. Moscow: Prospekt, 2021. 424 p. (In Russ.).
8. Smirnova S.A., Sekerazh T.N., Kuznetsov V.O. Interdisciplinary Evaluations Performed by Forensic Science Organizations of the Russian Ministry of Justice: Current Trends in Forensic Linguistics and Forensic Psychology. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No 4. P. 6–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-106-109>
9. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. *A Judge's Handbook. Forensic Expertise*. Moscow: Prospekt, 2017. 464 p. (In Russ.).
10. Nikishin V.D., Galyashina E.I. Legal Linguistic Approach to the Study of Criminogenic Communication Polycode Texts in the Digital Environment in Order to Ensure Information (Worldview) Security. *Actual Problems of Russian Law*. 2020. Vol. 15. No. 6. P. 179–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.179-193>
11. Gorbacheva A.V., Nesterova T.V., Osadchiy M.A. On Forensic Linguists and Non-Experts Interpretation of Multimodal Texts. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2020. Vol. 19. No. 1. P. 102–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.9>
12. Katyshev P.A., Osadchiy M.A. A Method of Parametric Modeling in Forensic Linguistics. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2018. Vol. 17. No. 3. P. 24–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.3>
13. Rossinskaya E.R., Saakov T.A. The Problems of Collecting Digital Footprints of Crimes in Social Networks and Messengers. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020.

- // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123. <https://doi.org/10.24411/2587-9820-2020-10060>
14. Михайлов В.К. Кодекс административного судопроизводства как решение проблем, связанных с процедурой признания материалов экстремистскими // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 85–94. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.3.85.94>
15. Миц Д.С., Андриянченко Е.Г. Актуальные вопросы формирования системы информационного противодействия терроризму и экстремизму на территории государств – членов ОДКБ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 25. С. 96–106. <https://doi.org/10.17223/22253513/23/6>
- No. 3 (15). P. 106–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2587-9820-2020-10060>
14. Mikhailov V.K. Code of Administrative Proceedings as Mean for Improving Procedures of Claiming Materials Extremist. *Law Journal of the Higher School of Economics*. 2016. No. 3. P. 85–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.3.85.94>
15. Mits D.S., Andryanchenko E.G. Topical Issues of Formation of the System of Informational Counteraction to Terrorism and Extremism on the Territory Member States of the CSTO. *Tomsk State University Journal of Law*. 2017. No. 25. P. 96–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/22253513/23/6>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонов Олег Юрьевич – д. юр. н., доцент, полковник юстиции, декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации»; e-mail: antonov@udm.ru

*Статья поступила: 05.03.2021
После доработки: 10.08.2021
Принята к печати: 15.08.2021*

ABOUT THE AUTHOR

Antonov Oleg Yur'evich – Doctor of Law, Assistant Professor, Colonel of Justice, Dean of Criminalists' Training Faculty, the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; e-mail: antonov@udm.ru

*Received: March 05, 2021
Revised: August 08, 2021
Accepted: August 15, 2021*